

КАРНАВАЛ БЕЗУМИЯ

ХРОНИКИ САМОРАЗРУШЕНИЯ
В СТИЛЕ ПАНК

Издательство АСТ
Москва

УДК 316.723(47+57)
ББК 60.5(2)
Б27

Обращаем ваше внимание, что текст книги был сокращен
в связи с 478 федеральным законом.

Бастер, Миша

Б27 Карнавал Безумия. Хроники саморазрушения в стиле панк / Миша Бастер. — Москва: Издательство АСТ, 2025. — 368 с. — (MassCult)

ISBN 978-5-17-169069-4

Истории «маленького» человека, взгляды и ценности которого не растворены в официальных летописях сложнее пересмотреть в свете новых трактовок, потому что она является слепком времени, его духа и атмосферы. С помощью устной истории можно изменить и градус, и фокус взгляда на предмет или целое явление; она способна сломать барьеры недопонимания между поколениями, и главное вернуть людям, делавшим эту историю, законное центральное место в событиях, предоставив право голоса и личного мнения.

УДК 821.161.1
ББК 84

ISBN 978-5-17-169069-4

© Миша Бастер, текст, 2025
© ООО «Издательство АСТ», 2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

РУСЛАН ЗИГГЕЛЬ.....	15
ФЕДДИ БЕГЕМОТ.....	37
СЕРГЕЙ ГАНС.....	71
ДИМА ХЭНК.....	89
ЛЕХА УКСУС.....	115
АЛЕКСАНДР ПЕТЛЮРА.....	147
ЖОРА БАРДАДИМ.....	177
НИК РОК'Н'РОЛЛ.....	199
АЛЕКСАНДР ЧИРКИН.....	223
ТЫНУ ТРУБЕЦКИ.....	257
НЕЙРЮС ПЕЧУРА.....	277
ДИН ЯКОМУЛЬСКИЙ.....	295
СЕРГЕЙ ГУРЬЕВ.....	325

Нам часто говорят, что бедные благодарны за милосердие.
Некоторые из них безусловно — да,
но лучшие среди бедных — нет.
Они неблагодарны, недовольны, непослушны и мятежны.
И они совершенно правы.

Оскар Уайльд, «Душа человека при социализме» (1891)

ВСТУПЛЕНИЕ

Основная проблема изучения молодежных субкультур и, в частности, панка — неоднозначность и непонимание уникальных условий, в которых такие явления зарождались и развивались. Исторически сложилось так, что панк-сообщество — это в первую очередь музыка, но в рамках меломанского культа развивались также изобразительно-оформительское искусство, перформативные жанры и, конечно, мода и стиль. Моду можно назвать панковским манифестом как таковым — субкультурным кодом, опиравшимся как на первичный англо-американский эпатаж, так и на локальные проявления. Панк-движение, образовавшееся на стыке разных культур и вобравшее в себя множество разных деталей, стало контркультурной позой и шиком.

В 1970-х годах шло активное освоение северных и дальневосточных территорий СССР, строились железные дороги и города, поэтому административную систему беспокоил отток молодежи из ВЛКСМ¹: ряды строителей коммунизма таяли, альтернативные советскому государству и «неформальные» сообщества росли.

---

¹ Всесоюзный ленинский коммунистический союз молодёжи.

Так что в 1982 году для мониторинга неформальных молодежных организаций был создан специальный 13-й отдел 5-го управления КГБ, который активно использовал в своих отчетах термины «панк» и «поклонники панка». Началась кампания, в ходе которой патрулировались «злачные места», кинотеатры и центральные улицы крупных городов. В 1984 году появился список запрещенных групп. Пресса и органы надзора присваивали молодежным тусовкам ярлыки «фашистов», а «гопники», люмпен-пролетариат, называли панков «петухами» за крашенные волосы и ирокезы.

Несмотря на это, в воздухе — и не только в андеграундной среде — витали антикоммунистические настроения. Раздражение вызывала не столько господствующая идеология, которая принудительно навязывалась со школы, сколько то, как идеи общества светлого будущего и равных возможностей реализовывались в советской действительности. Сама эта действительность казалась вечной: даже в середине 1980-х никто и подумать не мог о возможном распаде СССР.

Так после активного мониторинга и двухлетнего притеснения с участием милиции, комсомольских патрулей и бригад крепких парней-люберов, наблюдателям от системы стало ясно, что объектами панковской ненависти было советское мещанство, социальная несправедливость и бюрократия, а не главенствующая идеология. И тогда чудесным образом панк по команде сверху моментально превратился из объекта демонизации в чуть ли не самый модный тренд советского андеграунда. Образ панка-неформала стал усиленно эксплуатироваться в перестроечной прессе и кино. Взять хотя бы документальный киномимесис 1988 года «Перекресток рока», которым облучали советских граждан, все еще не понимавших, что в стране уже произошли грандиозные перемены. «Панк —

это не страшно, но весело». Но в околоконцертной среде того периода ходило параллельное, весьма саркастичное мнение о том, что всем панкам в стране наконец разрешили называться панками, пополнять «рок-комсомол» и оплачивать взносы на содержание концертных площадок. Совсем скоро этот ироничный тезис был подтвержден сначала ослаблением в 1989-м статьи 209 УК СССР (тунеядство), а затем, в 1991 году, и ее упразднением. Кроме того, с 28 июля 1988 года разрешили проводить неофициальные митинги и демонстрации, а поговорка «больше трех не собираться» окончательно стала частью позднесоветского фольклора.

Хиппи, любившим «аскать» (от англ. ask — «спрашивать», «просить», — стрелять мелочь) на улицах, по той же 209-й статье грозило наказание за бродяжничество и попрошайничество. В перестроечные времена, когда количество таких злостных нарушителей общественного порядка резко увеличилось, к аббревиатуре БОМЖ («без определенного места жительства») добавилась новая — БОРЗ («без определенного рода занятий»), и жаргонизм «борзый» заиграл новыми красками.

Пик гонений по этой статье пришелся на 1987–1988 годы, когда ряды субкультурщиков резко пополнились, а активные выезды спортивных болельщиков начали сопровождаться драками и вандализмом.

Представители панк-сообщества с их диковинными прическами, суицидальными шрамами (на сленге — «попилами») и антисоветскими протестными татуировками легче других могли отправиться в спецлечебницы на принудительное обследование. Такие мероприятия часто организовывались непосредственно из милиции или приемной комиссии военкомата. В особых случаях к этим обвинениям добавлялось отягчающее обстоятельство «организа-

ция и распространение клеветнических измышлений, порочащих советский строй».

Прямое отношение к музыкальным субкультурам 1970–1980-х имела довольно экзотическая статья 182.1 УК РСФСР, введенная в 1926 году: «Изготовление, распространение, рекламирование порнографических сочинений, печатных изданий и иных предметов, а также торговля ими и хранение с целью продажи или распространения». Из этого вытекает еще одна особенность формирования и существования маргинальных сообществ в СССР. Любая коммерческая деятельность вне госсектора (кооперативное движение и артели сошли на нет еще при Хрущеве) рассматривалась как получение нетрудовых доходов, что каралось сроком от 3 до 5 лет. Так что представители субкультур, чья экономика основывалась на контрабанде и перепродаже западной музыки и предметов моды, всегда были желанными гостями в кабинетах следователей МВД.

Вот в таких суровых условиях, между нижними стратами советского общества и откровенно криминальными сообществами, и формировалась жесткая и агрессивная субкультура, опутанная сетью соблазнов и ограничений. Молодежь, обреченная отвечать за себя, за слова, за одежду и поступки. Общность, смыслом которой стал выход из под контроля, праздник непослушания, который часто превращался в публичное саморазрушение. Для многих участников панк-движения оно затянулось на годы и привело к плачевным последствиям. Впрочем, их не избежало целое поколение молодых людей, провернутых жерновами эпохи перемен. А в советском зазеркалье мерцали ее самые яркие вспышки и отражения. Многие производные панк-рока воспринимались как отдельные жанры, но все же присутствовало понимание, что западное панк-движение бурно развивается и стремится к прогрессу, вбирая

в себя все встреченное на пути. И, возможно, это и есть его генеральный метод: рвать, перекраивать и сшивать в другом порядке.

Уже поэтому советские панки примеряли на себя этот ярлык с крайней степенью иронии. В большинстве своем им пользовались представители системы под воздействием моральной паники, примерно так же, как и в Британии, где панков панками называли журналисты.

Отталкиваясь от ироничного тезиса, что «СССР — это в принципе страна панков» (в виде деградировавшего, лишённого привилегий пролетариата), в приоритете этой «субкультуры стеба» был жесткий пранк институций, икон и скреп советского общества. Все опиралось исключительно на противодействие советской действительности, а ставка шла на агрессивный творческий эпатаж, шокирующий внешний вид и тягу к публичному саморазрушению и хулиганству. Так и ответственность за эти выходки удваивалась, если ты попадал под объект сложившейся к середине 1980-х моральной паники.

Внешний вид в этих случаях играл особую роль: одежда и даже короткие причёски с бритыми висками стилияг вызывали повышенный интерес патрулей и милиции. Объяснялось это тем, что бритые подозревались в самовольном увольнении из армии или дезертирстве. Из внешних деталей, помимо естественных «племенных» дресс-кодов, благодаря которым представители субкультур размежевались между собой, формировались и «опасные визуальные коды». Теперь к этим негативным кодам добавились новые краски и оттенки — «фашизм» и «сатанизм», настолько же сильные, как во времена приступов гонений на стилияг или хиппи.

Образ *enfant terrible* отрабатывался публичным «идиотничанием» по максимуму, но уровень иронии при этом поддерживался

примерно таким, чтобы агрессивное вторжение в жизнь советских граждан лишь оставляло след легкого шока и веселья. Советское население достаточно быстро привыкло к панковским выходкам, и все моральные паники, нагоняемые ВЛКСМ и советской прессой, сменились на недоумение и эйфорию от этого далекого от бытового и даже здорового эпатажа. Пренебрежение чистоплотностью, помоечные перформансы и прочие выходки «ради искусства» и шока обывателя были частью стиля, но не ментальности. Вокруг было достаточно опустившихся от алкоголизма и безнадежности людей, которые тихо и мирно доживали свой срок в рамках построения коммунистического общества, изредка впадая в агрессию и белую горячку. Они также были антагонистами панков, занимавшихся публичным саморазрушением с разной степенью артистизма. Собственно глумление над этими алкогольными скрепами, которые органы и общество могли понять и простить, стало частью «ненормальности» и несдержанности панков (как и имитация расстройств психики). Цинизм и самоирония вплоть до самоуничтожения разрушали все привычные «пацанские» нормы: мачизм, повышенную серьезность и гипертрофированное чувство справедливости. Для публики с «криминальными» ценностями оскорбление и глумление над «пацанским» сленгом, а также циничный сарказм над маскулинностью оказались просто непременными.

Панк-идеи «будущего нет» как будто стали развитием идей и тезисов ленинградского некрореализма — течения, культивировавшего смерть и идиотничание поколения битников.

К некротематике в скором времени добавилась экспрессия «дикого» искусства: темы зверства, суицида, попыток вмешательства безумных ученых и санитаров в жизнь обычных граждан, которые

закономерно заканчивались смертью и жизнерадостной расчлененкой. Перекладывать все это на местную почву, переиначивать и превращать в панковские гимны, полные насмешек и презрения, вдруг оказалось безумно интересно. Под влиянием этой информации в первые годы перестройки появились возможности, связанные с рок-клубами. Тогда и началось формирование некоего подобия советского локального мейнстрима. Возникла иллюзия «общих интересов» с массами окрыленных перестроечными лозунгами политиков. О проблемах разрешили говорить и даже дали возможность протестовать. Так СМИ заботливо поместили на геройский пьедестал образ молодого бунтаря-рокера, ведущего массы из застойной дремы в новое светлое будущее. И этот образ оказался к месту в канве официальной горбачевской политики, взывающей к преодолению того застоя и самокритике.

Несомненно, панк-образы привлекали кинематографистов и СМИ. В 1984 году в сериале «ТАСС уполномочен заявить», и мимолетно в фильме «Европейская история», эстонские панки изобразили заграничных, причем как неотъемлемую часть пейзажа Запада. Вслед за началом перестройки в плеяду фильмов о трудных подростках, начавшуюся еще в 1970-х, попал фильм «Взломщик», «Легко ли быть молодым», «Зачем вы тут собираетесь» и «Авария — дочь мента».

Так панк эстетика в СССР в течение пятилетки из изгоя превратилась в моду, а о приключениях участников этого движения читайте дальше в формате «устной истории».

СОДЕРЖАНИЕ

«Ряженые»

клуб «Хелл», что значит «Ириспод» и подале марских товаров. Целью поддерживают ок. С него все у ржаная вода из центра, где голия панк. до полуночи «Прель-полла. Почти-полла» — это по-боранам, а также

ныс, как их называют, жидки зарабатуют — лишь на время заганитов, приспособившись к изменившимся обстоятельствам, а теперь выводит из подполья — еще более агрессивны, все также ненавидящее общество, которое породило их упадническое мировоззрение. Ведь панк еще в самом начале своего развития эволюция стала прежде всего эволюция гомосексуальности и не была ни стала «важной» и «важной»

и «ряженые» — с теми, кто выиграл. Веса. Там кто поносивший и даже делая о неосарию. Милли- стали — разр- все, отрав- Юдобинов, составлял —

Орган Центрального Комитета

ГОД ИЗДАНИЯ 39-й — № 258 (10774) — Среда, 8 ноября 1978

На гущу... (И. М. Шингар)

ЛЕНИНСКИМ КУРСОМ, П

Военный парад и демонстрация представителей трудящихся Москвы 7

С развитием общества... (The text is very small and partially obscured, but appears to be a list of items or a detailed report.)

ВА ВЕЛИКОМУ О

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ТРУД

ного Центрального Совета Профессиональных Союзов

Торжественно отме
советские люди, на
прогрессивное чело
На праздничных
Советов продемонс
шиную сплоченнос

111 гиз • № 252 (11205) • Понедельник, 3 ноября 1932 года • Цена 3 коп.

ЛЕВИН

Издана на территории Мавзолея В. И. Ленина

ТРУД В КРАСНОМ СОЮЗЕ — К КОММУНИЗМУ

...ий парод и демонстрация
...ихся на Красной площади

РУСЛАН ЗИГГЕЛЬ

(записано в 2007 году)

Р. 3.: Лет с 11–12 я стал посещать книжный базар на Островского. Это был отдельный мир, отдельное комьюнити людей, скрашивающих свой досуг чтением. А, как известно, Ленинград — город достаточно читающий, можно сказать, литературный. Но там как раз не было библиофилов, поэтому их называли «книжники». Люди занимались доставанием и сбытом книг, и с этим была связана куча историй. Книги принимались любые, минус двадцать процентов. И на базе этих двадцати процентов сформировалась целая тусовка. Книги имели свою ценность, а для подростков, изымающих эти книги с различных полок, два, к примеру, рубля были немалыми деньгами. По нашим тогдашним подсчетам, на 20 копеек можно было прожить день. Естественно, бесплатно катаясь на транспорте и без увеселений. И многие стремились к обособлению и самостоятельности, имея в виду такие нехитрые схемы пополнения бюджета.